

Скворцов О. Г.
Екатеринбург, Россия

**РИТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
«LIGHT / DARKNESS»**

(по материалам политической коммуникации)

УДК 81'371

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления исследований семантической сферы «свет/тьма» в конце XX – начале XXI вв.: от этимологического, семантического, гендерного, контекстуально-обусловленного до риторического. Особое внимание уделяется последнему в его поэтапном развитии от собственно-риторического к риторической критике и риторической метафорологии.

Ключевые слова: семантическая сфера; риторическая критика; риторическая метафорология; интенция; культурные стереотипы; архетипичные метафоры; персуазивное воздействие; дискурс; политическая коммуникация.

Сведения об авторе: Скворцов Олег Георгиевич, проректор по научной и инновационной деятельности, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Институт международных связей (г. Екатеринбург).

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 33, оф. 40.

E-mail: ims@ims-ural.ru.

Skvortsov O. G.
Ekaterinburg, Russia

**RHETORICAL APPROACH
TO THE RESEARCH
OF THE «LIGHT / DARKNESS»
FAMILY IN POLITICAL COMMUNICATION**

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Kod BAK 10.02.20

Abstract. This paper offers a general characterization of the principal direction in which the «light / darkness» family has been considered at the end of the XX – beginning of the XXI century. It is proposed that this development is seen in the direction from etymological to semantic gender, text centric and rhetorical approaches. The latter split up into rhetorical criticism and rhetorical metaphorology is paid special attention to.

Key words: semantic sphere; rhetorical criticism; rhetorical metaphorology; intention; cultural stereotypes; archetypal metaphors; persuasive effect; discourse; political communication.

About the author: Skvortsov Oleg Georgievich, Vice-Rector for academic and Innovative activities, candidate of philological sciences, professor, head of the department of general linguistics and cross cultural communication.

Place of employment: Institute of international relations (Ekaterinburg).

Историография исследования семантической сферы «Light / Darkness» во многом повторяет историю теоретической эволюции лингвистической науки. Одни специалисты обращались к исторической динамике развития обозначений света и темноты, к этимологическим истокам соответствующих слов и историческому развитию их семантики, другие стремились выявить общие закономерности развития указанной семантической сферы в различных языках, третьи брали на вооружение методологию риторики и стилистики. Многие исследования связаны компонентным и дискурсивным анализом, эвристиками когнитивной и гендерной лингвистики и другими методологическими подходами. Важную роль в исследовании сферы «LIGHT / DARKNESS» сыграли представители риторического направления, которое преобладало в американской политической лингвистике середины прошлого века. При рассмотрении этого направления необходимо разграничивать по меньшей мере три научных школы: риторическое направление в его традиционном для США варианте, риторическую критику и риторическую метафорологию Майкла Осборна и его последователей [Будаев, Чудинов 2007; Будаев, Чудинов 2008а; 2008б].

Представители традиционной риторики анализировали политические тексты, опираясь преимущественно на идущую из античности теорию риторических фигур и тропов. В боль-

шинстве подобных публикаций рассматривались официальные устные выступления президентов и других политических лидеров. В рамках этой теории значительное место уделялось описанию наиболее ярких и прагматических значимых метафор, среди которых важное место занимали и метафоры из сферы «LIGHT / DARKNESS». Изучались также и иные образные средства (метонимия, эпитеты, сравнения, антитеза и др.). Позднее специалисты по риторике стали обращаться не только к «public address», но и к телеречи, радиоречи, к текстам печатных СМИ.

В середине XX века в американской риторике произошел «идеологический поворот», следствием которого стало возникновение направления, получившее название риторическая критика [Rhetorical Criticism]. Новые подходы были сформулированы в книгах Эдвина Блэка и Мари Николс. В то время как традиционная риторика анализировала то, насколько используемые риторические формы эффективны для достижения поставленной цели, то критическая методология призвана определить, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать желаемым и нежелательным в определенном обществе» [Borchers 2006: 176]. Приверженцы этого направления подчеркивали, что необходимо показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на куль-

турные стереотипы, и как эти стереотипы отражаются в риторике. Соответствующая методика во многом основывалась на детальном анализе конкретных текстов

Как показано в исследовании Э.В. Будаева и А.П. Чудинова [2008], приверженцы риторической критики отвергли «инструментальный» подход к риторике, согласно которому всякий текст всего лишь «объект» или «инструмент», использование которого зависит от коммуниканта. Новый взгляд состоял в том, что всякий текст существует не сам по себе, а всегда предназначен для кого-то, имеет целевую аудиторию (*second persona*). Даже если автор говорит что-то наедине с самим собой, потенциально существует подходящая для его слов аудитория. В этом смысле не существует «объективных» текстов, предназначенных для всех, а всегда есть тексты, направленные на определенных слушателей. По сути, этот подход стал лингвистическим вариантом философской феноменологии, которая приписывала сознанию атрибут интенциональности. Критики перенесли свойство интенциональности с авторов текстов на сами тексты. В дальнейшем эта идея активно воспроизводилась в разных формах в теории дискурс-анализа и политической лингвистике.

Создателем совершенно нового направления в рамках риторической школы стал Майкл Осборн, который сделал вывод о том, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал следующие постулаты теории архетипичных метафор в публичной коммуникации.

1. Архетипичные метафоры используются гораздо чаще, чем неархетипичные. Другими словами, оратор, ищущий фигуральности, «чаще предпочитает ассоциации с понятиями света и тьмы, чем с образами Кадиллака или Эдселя, плюща или сумаха, тачдауна или неумелого обращения с мячом» [Osborn 1967a: 116].

2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и мало зависят от конъюнктурных условий их актуализации.

3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.

5. Благодаря своей универсальности архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

6. В любом обществе архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений [Osborn 1967a: 116].

Показательно, что Майкл Осборн особое внимание обращал на функционирование метафор из семантической сферы «*Light / Darkness*». В его исследовании «*Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family*» теория архетипичных метафор применена к анализу метафорического употребления номинаций из сферы «*Light / Darkness*» в англоязычной политической коммуникации. Разработанная М. Осборном и его коллегами теория [Osborn 1967a; 1967b; 1977; Osborn, Ehninger 1962; Waite, Osborn 1966] утверждает, что в политической риторике присутствуют так называемые архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*), неизменно воспроизводимые ораторами независимо от эпохи, культуры или географической локализации участников коммуникации. К архетипичным метафорам исследователь отнес образы природного цикла, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации, света и тьмы. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для персуазивного воздействия на аудиторию. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации. Применительно к метафорам сферы «*Light / Darkness*» его выводы выглядят следующим образом:

– метафоры из сферы «*Light / Darkness*» используются гораздо чаще, чем неархетипичные образы, т.е. оратор, ищущий фигуральности, «чаще предпочитает ассоциативные оппозиции света и тьмы, чем образы «Кадиллака» и «Эдселя», плюща и сумаха, тачдауна и неумелого обращения с мячом» [Osborn 1967a: 116];

– метафоры, связанные с образами света и тьмы, хронологически и кросс-культурно изоморфны;

– универсальность метафор света и тьмы обусловлена их укорененностью в общечеловеческом опыте;

– метафоры из семантической сферы «*Light / Darkness*» соотносятся с основными человеческими потребностями;

– благодаря своей универсальности архетипичные метафоры *light* и *darkness* оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

– архетипичные метафоры *light-darkness* обычно встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений [Osborn 1967a: 116].

Немаловажным представляются выводы М. Осборна [Osborn 1967a], предвосхитившие идеи теории концептуальной метафоры. Исследователь отмечал, что метафора *light* обычно связана с понятиями выживания, здоровья, правоты и тепла, в то время как *darkness* соотносится с уязвимостью, страхом перед неизвестностью и холодом, что является указанием на устойчивые семантические связи между двумя понятийными областями.

Хотя взгляд М. Осборна на риторические функции лексем *light* и *darkness* лишен статичности, он связан с теми аспектами анализа, которые сейчас назвали бы дискурсивными. В частности, М. Осборн указывает на умение талантливых ораторов использовать реальные свет и тьму как персуазивные элементы выступления, увязывая их с образами света и тьмы в своей риторике. Примером может служить выступление У. Питта, который завершил свое выступление эффектным образом рассвета, что совпало с моментом, когда рассвет коснулся окон британского парламента. Этим же приемом хорошо владел У. Черчилль. Выступая вечером с обращением «К французскому народу», британский премьер-министр в полной мере использовал данное обстоятельство. Оратор пожелал аудитории спокойной ночи, что имело вполне буквальное значение. Однако с этого момента начинает проявляться метафорический смысл. У. Черчилль посоветовал набираться сил до утра, которое непременно придет и «ярким светом озарит храбрых и верных, озарит добром всех, кто вынужден по этой причине страдать, и увековечит славу павших героев. Таким будет рассвет» [Osborn 1967: 120]. У. Черчилль не только использовал непосредственные обстоятельства выступления, но и усилил перлокутивный эффект обращения, употребляя лексемы из семантической сферы «Light / Darkness» сначала в буквальном, а затем в метафорическом значении.

Отдельное внимание М. Осборн уделяет архетипичной метафоре *the sun* (солнце). С одной стороны, образ солнца имплицитно присутствует в метафорах света и тьмы, вместе с тем эта метафора выполняет в риторике свои специфические функции. Образы света и тьмы используются ораторами для формирования оценочных суждений о поступках людей и их психологическом состоянии, а солнце больше подходит для описания человеческого характера, обычно для акцентирования его положительных характеристик. Таким образом, метафора *sun* по сравнению с метафорами *light* и *darkness* носит более статичный (солнце – центр планетной системы) и более личностный характер.

В конце 1970-х гг. М. Осборн привнес в свои исследования архетипичных метафор аспекты эволюционизма, допустив, что закономерности функционирования некоторых метафор все-таки подвержены воздействию со стороны экст-

ралингвистических факторов. В 1977 г. М. Осборн опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов и пришел к выводу, что в результате технологического прогресса в XX в. заметно уменьшилась частотность речных и океанских метафор, столь популярных в XIX в. [Osborn 1977]. Вместе с тем подобных изменений не наблюдалось применительно к архетипическим метафорам света и тьмы и другим группам метафор, что позволило постулатам об архетипических детерминантах сознания войти в набор классических методик риторического анализа.

Опираясь на риторическую теорию, исследователи рассмотрели метафоры света и тьмы в дискурсе рекламы [Bachand 1988], религиозном дискурсе квакерских проповедей [Graves 1983], в антикоммунистической риторике Дж. Маккарти [Ivies 1997], идиолекте Хелен Келлер [Einhorn 1998], антитеррористических выступлениях Дж. Буша [Merskin 2005], выступлениях Вудро Вильсона [Trasciatti 2006] и феминистском политическом дискурсе [Osborn 1998].

Последнее исследование стало неожиданным продолжением теории архетипичных метафор, связанным с развитием **гендерной лингвистики**. Обращением к феминистской проблематике М. Осборн обязан критике, которая нарастала по мере популяризации гендерного подхода к анализу языковых явлений. Эта критика заключалась в ограничении выводов теории архетипичных метафор «европеоидно-маскулинным сознанием».

Для верификации критических положений М. Осборн сопоставил риторику мужчин и женщин-феминисток в XIX в. Как показал анализ, женщины-ораторы использовали архетипичные метафоры *light* и *darkness* реже мужчин. По мнению исследователя, «женщины изображали себя погруженными в такую непроглядную тьму, что любое обещание света показалось бы жестокой насмешкой» [Osborn 1998: 17-18]. Помимо однокоренных лексем (*dark*, *darkness*, *darken*) в качестве архетипичных метафор, связанных с тьмой, М. Осборн рассматривает и близкие по семантике лексические единицы: *shadows*, *to overcloud*, *midnight gloom*. Метафоры из сферы «Light» автор разделяет на две группы. К первой группе относятся случаи иронического употребления метафор, которые всегда связаны с описанием настоящего. Вторую группу составили неиронические образы типа «солнечного света знаний» (*sunlight of knowledge*). Анализ показал, что частотность метафор света и тьмы может варьироваться в зависимости от гендерного фактора, но вместе с тем исследование подтвердило, что риторика американских феминисток любого цвета кожи подчиняется установленным теорией М. Осборна постулатам.

Теория архетипичной метафоры занимает важное место в риторической методологии ис-

следования лексики света и тьмы в политической коммуникации, но не исчерпывается ей. Некоторые лингвисты анализировали риторические средства достижения коммуникативных целей без обращения к работам М. Осборна, рассматривая метафоры в ряду других тропов и фигур. Примером служит анализ аудиозаписи знаменитого выступления Мартина Лютера Кинга «I have a dream», проведенный А. Альварес [Alvarez 1988]. В этом исследовании А. Альварес последовательно рассматривает интонационный рисунок выступления, опору оратора на фоновые знания, диалогизм, а также использование М. Л. Кингом таких фигур речи, как антитеза, перифраза, анафора и расширенная метафора. Последняя фигура речи представлена особенно широко, при этом центральное место в выступлении занимают образы света и тьмы, огня и теней, ночи и рассвета (*symbolic shadow, light of hope, flames of withering injustice, joyous daybreak, night of captivity*).

Вполне закономерно, что на последующих этапах развития лингвистики постулаты М. Осборна претерпевали определенные уточнения. Особенно заметно стремление специалистов полнее выявить национальную обусловленность политических метафор, их культурные взаимосвязи. Так, в исследовании Рональда Карпентера [Carpenter 1990] основное внимание было направлено не столько на поиск архетипичных, т.е. универсальных метафор и их вариаций, но и на выявление культурно обусловленной специфики политической метафоры. Было обнаружено, что в американском публичном дискурсе на протяжении двух веков американские солдаты представляются как *frontiersmen* – люди, живущие или работающие в приграничье. Это связано с тем, что история США – это в значительной степени история продвижения европейских поселенцев с восточного побережья на Запад, что сопровождалось конфликтами с Британской метрополией и постоянными столкновениями с индейцами. Образ мужественного героя из приграничной зоны (*frontiersman*), «охотника из Кентукки», на протяжении долгого времени используется для привнесения положительной оценки в образ американского солдата [Будаев, Чудинов 2008а]. Соответственно противники американцев на других континентах часто образно представлялись как воинствующие индейцы. Например, в конце XIX века президент Т. Рузвельт сравнивал филиппинцев, сражавшихся против американских войск, с индейцами их племен команчи, сиу и апачи [Carpenter 1990: 4]. Американские специалисты [Heisey 1993; Ivie 1982, 1986; 1987, 1989; Medhurst et al. 1997] выяснили, что в американской политической коммуникации особенно устойчивы устойчивы метафоры дегуманизации врага; религиозно окрашенные метафоры противостояния добра и зла; метафоры, апеллирующие к американской во-

енной истории. К числу таких традиционно американских метафор относятся и метафоры из семантической сферы *light-darkness*. Со светом традиционно связывается все положительное, ясное, благородное, истинное, тогда как темнота выступает как символ скрытости, неясности, опасности.

Теория архетипичных метафор, как и другие достижения риторического направления в американской лингвистике, по-прежнему используются зарубежными специалистами при изучении политической коммуникации. На современном этапе развития науки указанная теория все более обогащается эвристиками, методами и приемами когнитивистики, но следует учитывать и тот факт, что американская когнитивистика на этапе своего зарождения использовала многие достижения риторического направления.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология. – Екатеринбург, 2008b. 248 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008а. 352 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. № 1 (21). С. 22-32.
- Alvarez A. Martin Luther King's "I Have a Dream": The Speech Event as Metaphor // Journal of Black Studies. – 1988. Vol. 18, № 3. P. 337-357.
- Bachand D. The Marketing of Ideas: Advertising and Road Safety // International Journal of Research in Marketing. – 1988. Vol. 4, № 4. P. 291-309.
- Borchers T.A. Rhetorical Theory. An Introduction. – Belmont: Wadsworth, 2006. 346 p.
- Carpenter R.H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. – 1990. Vol. 76, № 1. P. 1-22.
- Einhorn L. J. Helen Keller, Public Speaker: Sightless But Seen, Deaf But Heard. – Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 1998. 155 p.
- Graves M. P. Functions of Key Metaphors in Early Quaker Sermons, 1671-1700 // Quarterly Journal of Speech. – 1983. Vol. 69. P. 364-378.
- Heisey D. R. The Strategy of Narrative and Metaphor in Interventionist Rhetoric: International Case Studies // Rhetorical Movement: Essays in Honor of Leland M. Griffin. – Evanston, 1993. P. 186-209.
- Ivie R. L. Diffusing Cold War Demagoguery: Morrow versus McCarthy on "See It Now" // Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology [Ed. by M. J. Medhurst, R. L. Scott, P. Wander] – East Lansing: Michigan State University Press, 1997. P. 81-102.
- Ivie R.L. The Metaphor of Force in Prowar Discourse: The Case of 1812 // Quarterly Journal of Speech. – 1982. Vol. 68. P. 240-253.
- Ivie R.L. Literalizing the Metaphor of Soviet Savagery: President Truman's Plain Style // Southern Speech Communication Journal. – 1986. Vol. 51. P. 91-105.

Ivie R.L. Metaphor and the Rhetorical Invention of Cold War 'Idealists' // *Communication Monographs*. – 1987. Vol. 54. P. 165-182.

Ivie R.L. Metaphor and Motive in the Johnson Administration's Vietnam War Rhetoric // *Texts in Context: Critical Dialogues on Significant Episodes in American Political Rhetoric*. Davis, 1989. P. 121-141.

Ivie R.L. Fire, Flood, and Red Fever: Motivating Truman Doctrine Speech // *Presidential Studies Quarterly*. – 1999. Vol. 29, № 3. P. 570-591.

Jamieson K.H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // *Quarterly Journal of Speech*. – 1980. Vol. 66. P. 51-72.

Medhurst M., Ivie R., Wander P., Scott R. Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology. – New York, 1997. 238 p.

Merskin D. The Construction of Arabs as Enemies: Post-9/11 Discourse of George Bush // *Bring 'em on: Media and Politics in the Iraq War* [Ed. by L. Artz, Y. R. Kamalipour] – Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. P. 121-137.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. – 1967a. Vol. 53. P. 115-126.

Osborn M. Patterns of Metaphor Among Early Feminist Orators // *Rhetoric and Community: Studies in*

Unity and Fragmentation [Ed. by G. M. Hogan] – Columbia: University of South Carolina Press, 1998. P. 3-26.

Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // *Quarterly Journal of Speech*. – 1977. Vol. 63. P. 347-363.

Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // *Western Speech*. – 1967b. Vol. 31. P. 121-131.

Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // *Speech Monographs*. – 1962. Vol. 29. P. 223-234.

Trasciatti M. A. Hooking the hyphen. Woodrow Wilson's War Rhetoric and the Italian American Community // *Who Belongs in America?: Presidents, Rhetoric, and Immigration* [Ed. by Vanessa B. Beasley] – College Station: Texas A&M University Press, 2006. P. 107-133.

Waite B., Osborn M. Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches // *Speech Monographs*. – 1966. Vol. 33, № 2. P. 147-155.

Zubair Sh. Silent birds: metaphorical construction of literacy and gender identity in women's talk // *Discourse Studies*. – 2007. Vol. 9, № 6. P. 766-783.

© Скворцов О. Г., 2009